Цзи Шиань, которому наконец-то удалось выкроить выходной, не смог насладиться сном подольше: в дверь спальни дважды постучали, грубо прервав его свидание с Морфеем. За окном едва брезжил рассвет, и третий брат Цзи, пребывая в не самом лучшем расположении духа, с перекошенным лицом буркнул:

— Кто там?

— Братик, вставай скорее! Солнышко уже пятки щекочет!

Цзи Шиань мгновенно проснулся, вспомнив, что вчера вернулся домой:

— Встаю, встаю!

Дверь приоткрылась, и в проеме показалась крошечная фигурка, а затем в комнату просунулась пушистая макушка. Цзи Шиань поманил малыша рукой, и тот радостно вприпрыжку вбежал внутрь, забравшись к нему на кровать. Третий брат подхватил ребенка на руки, собираясь чмокнуть в мягкие пухлые щечки, но Цзи Иньлань увернулся и с явным пренебрежением произнес:

— Братик не почистил зубы, фу, грязный! Ланьлань не хочет целоваться!

Цзи Шиань замер. Вот же негодник. Малыш Лань подрос и начал его стесняться. Третий брат мысленно пролил слезы, быстро привел себя в порядок и, наконец, добился своего, смачно чмокнув ребенка в щеку. Настоящий молочный пухляш, от него даже пахло молоком.

Цзи Иньлань нетерпеливо достал маленький экран и потянул брата вместе караулить улитку. Хотя это называли маленьким экраном, на самом деле вещь была предоставлена старшим братом — это был магический артефакт под названием Духовное зеркало. Если подать в него духовную энергию или силу, можно было видеть мир глазами призванного зверя. Цзи Шиань немного модифицировал зеркало, чтобы оно могло транслировать картинку даже от существ без жизненных показателей, превратив его в удобный и практичный прибор для слежки.

Пользоваться зеркалом было несложно: Цзи Шиань уже показывал Иньланю, как это делается, вчера. Он хотел лишь пробудить интерес малыша к духовному искусству, заложить фундамент, но кто бы мог подумать, что ребенок, посмотрев всего дважды, действительно научился. Малыш осторожно держал в своих пухлых ручках миниатюрное зеркальце, и это двойное очарование едва не свело с ума сердце третьего брата.

Цзи Шиань прижал малыша к себе, и вскоре в тусклом свете экрана послышались шорохи. Раздались шаги и голоса, а затем на экране появился свет — это дух маленькой улитки выполз из-под шкафа. Цзи Шиань услышал каждое слово разговора Лю Мэй и Чэнь Ли, и его рука непроизвольно легла на уши Цзи Иньланя. Малыш заершил, пытаясь отодвинуться, но, не сумев выбраться, в недоумении посмотрел на брата. Лицо третьего брата было суровым и тяжелым. Иньлань никогда раньше не видел его таким. Он подумал, что плохой дядя и плохая тетя, должно быть, творят что-то очень-очень нехорошее, прямо как те злодеи, о которых рассказывал Герой Мороженого.

Когда разговор закончился, а фигуры Лю Мэй и Чэнь Ли исчезли из поля зрения, Цзи Шиань убрал руку от ушей малыша. История с Су Чи перестала быть простым семейным делом.

Записи звука и видео с зеркала можно было сохранить. Имея такие доказательства, Лю Мэй и Чэнь Ли лишатся права опеки, а Федеральная ассоциация защиты детей возьмет Су Чи под особую охрану, чтобы те не могли больше причинить ему вред.

Цзи Шиань немного подумал, конвертировал запись в видеофайл и отправил Цзи Учжоу. Передача дела в ассоциацию действительно обеспечит безопасность Су Чи, но поскольку Лю Мэй и Чэнь Ли еще не успели совершить преступление, им даже не предъявят обвинение в попытке бросить ребенка. Максимум, что они получат, — устное предупреждение, которое для них как слону дробина. Слишком легко они отделаются, подумал Цзи Шиань.

Брови третьего брата сошлись на переносице, и Цзи Иньлань, внимательно наблюдавший за ним, тоже нахмурился. Он решил, что дядя и тетя — ужасные люди, раз заставили брата Аньаня так рассердиться. Иньлань целиком зарылся в объятия Цзи Шианя и по-детски утешил его:

— Братик, не сердись, мы вместе накажем плохих людей! У Героя Мороженого есть много-много трусов супергероя, если их надеть, станешь супергероем и сможешь спасти мир, тогда и прогонишь всех злодеев!

Система, которая как раз заглядывала в комнату, замерла:

— Я тут ни при чем, не надо сваливать на меня, а-а-а!

Руки маленького робота уже были починены мамой Цзи, а винты на суставах подтянуты, из-за чего он двигался медленнее и еще не привык к новому состоянию. Услышав слова малыша, робот на мгновение замер, а затем с громким щелчком закрыл дверь. Не вижу — значит, не существует.

***

Тем временем Цзи Учжоу, посмотрев видео, присланное Цзи Шианем, долго сидел молча, нахмурив брови. Разум подсказывал, что дело можно решить через ассоциацию защиты детей, но, посомневавшись, он все же поднялся на лифте на самый верхний этаж здания. Весь этаж занимал кабинет главнокомандующего Су Ицзэ, и людей во всей Федерации, имевших право доступа сюда, можно было пересчитать по пальцам одной руки — Цзи Учжоу был одним из них.

Двери лифта открылись, Цзи Учжоу привычно прошел через ряд сканеров и остановился перед дверью, слегка кивнув камере наблюдения. Дверь тут же отъехала в сторону. За столом сидел мужчина средних лет, альфа: статный, с жесткими чертами лица и сединой на висках, он, однако, совсем не выглядел уставшим. Это был главнокомандующий Федерации Су Ицзэ.

— Учжоу, — улыбнулся Су Ицзэ, — что случилось?

Еще когда Су Ицзэ был безвестным юношей, Цзи Учжоу был его напарником. Они вместе прошли через бесчисленные битвы и доверяли друг другу настолько, что могли без страха подставить спину. Су Ицзэ знал Цзи Учжоу слишком хорошо — настолько, что еще до того, как тот успел заговорить, почувствовал: цель его визита необычна.

Цзи Учжоу решил перейти сразу к делу:

— Ицзэ, я хочу поговорить с тобой… о Су Чи.

Су Ицзэ удивился:

— Су Чи?

***

Су Чи ушел из дома неделю назад, взяв с собой лишь сменную одежду и детский интеллектуальный компьютер. Некоторое время назад, втайне от тети и дяди, он опубликовал на межзвездной платформе объявление о поиске опекунов, и вскоре несколько семей связались с ним, предлагая встретиться. Су Чи знал, что Лю Мэй и Чэнь Ли получили временную опеку только потому, что из всех оставшихся в живых родственников Лю Мэй была кровно ближе всех. Но он прекрасно понимал: если позволит им продолжать в том же духе, ничего хорошего его не ждет.

Су Чи не то чтобы не думал об ассоциации защиты детей, но именно они после проверки передали его временную опеку дяде и тете, поэтому в его глазах ассоциация не заслуживала доверия — они были на стороне этих людей. Значит, придется спасать себя самому, решил маленький Су Чи. Семилетнему ребенку опасно гулять в одиночку, поэтому Су Чи взял с собой немало средств самообороны. Но, по его мнению, оставаться в доме дяди и тети было не намного безопаснее, чем быть похищенным.

За эту неделю Су Чи обошел не менее десяти семей, но все те, кто проявил к нему капельку доброты в сети, в итоге отказались от идеи его усыновить.

— Забудь, он ведь всего лишь бета…

— Его мама умерла от болезни, верно? Вдруг это наследственное? Наверняка и у него слабое здоровье.

— Временная опека у дяди и тети? Есть и другие родственники, значит, наследство родителей…

Су Чи уже не помнил, сколько раз слышал подобные слова. Он всегда знал, что мир не так прекрасен, но пока мама была жива, все бури обходили его стороной. Прошел всего месяц со дня смерти Лю Юнь, а маленький Су Чи уже познал всю горечь жизни.

Получив столько отказов, он окончательно пал духом. Су Чи отправился на пляж, где часто бывал с мамой, и в одиночестве сел на скалу, наблюдая за приливами и отливами, за тем, как солнце постепенно скрывается за горизонтом. В какой-то момент ему даже показалось, что этот мир больше не стоит того, чтобы за него держаться.

Маленький Су Чи вспомнил время, когда мама была рядом, вспомнил притворство так называемых кровных родственников, их удары в спину, а затем и фальшивые маски незнакомцев… И вдруг из глубин памяти всплыла коробочка с некрасивым печеньем. Су Чи

слегка закусил губу, невольно вспомнив того трехлетнего малыша-омегу. Малыш, неуклюжий, как пухлый шарик, прикатился к его ногам, вопреки его отказам сунул ему в руки нелепое печенье и сам взял его за руку. Хотя тогда малыш, скорее всего, просто испугался дяди и тети, это было первое тепло, которое он почувствовал после смерти мамы.

Глупыш, который даже не мог отличить пол другого человека, подумал Су Чи. Цзи Иньлань был самым глупым омегой, которого он когда-либо видел. У Су Чи внезапно защемило в носу. Просто в этот раз, сказал он себе, последний раз.

Когда он узнал о смерти мамы, Су Чи не плакал. На похоронах он не плакал. Когда понял истинное лицо дяди и тети, тоже не проронил ни слезинки. Даже сталкиваясь с людской злобой, он считал, что плакать незачем. Но сейчас, сидя в одиночестве на морском берегу, сжавшись в комочек и спрятав лицо в коленях, он не выдержал. Сначала послышались сдавленные всхлипы, а затем он зарыдал в голос.

Он был всего лишь семилетним ребенком, вынужденным так рано столкнуться с самой жестокой стороной этого мира. Позади него, ставшая еще прозрачнее, чем в прошлые дни, Лю Юнь опустилась на колени, пытаясь обнять сына, но руки снова и снова проходили сквозь его тело — она никак не могла до него дотронуться.

Су Чи пробыл на берегу долго. Усталость, накопившаяся за неделю, внезапный эмоциональный срыв и холодный зимний ночной ветер сделали свое дело — семилетний ребенок ожидаемо заболел.

Когда он снова открыл глаза, то увидел лишь ослепительно белый свет и почувствовал резкий запах антисептиков. Голова раскалывалась, веки налились свинцом, все тело ломило. В ушах раздался детский голос с легкой гнусавостью:

— Братик Чичи проснулся!

Затем началась суматоха: послышались поспешные шаги врача, писк медицинских приборов, кто-то вытирал пот с его лица, кто-то задавал вопросы. Су Чи чувствовал себя таким уставшим. Он пошевелил пальцами, и маленькая, пухлая ладошка сжала его руку. Мягкий голосок прошептал прямо над ухом:

— Братик Чичи, не бойся, Ланьлань поможет тебе победить злодеев!

Су Чи открыл рот, собираясь что-то сказать, но горло перехватило, а в носу снова защипало. Что же делать, он опять хочет плакать.

http://bllate.org/book/22105/2300626